

- применение» : сб. материалов. Вып. IV / под ред. Д. Б. Цыганкова. М. : ГУ-ВШЭ, 2008. С. 267.
- ³ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/11/federel-dok.html> (дата обращения: 05.01.2015).
- ⁴ Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ : постановление Правительства РФ от 19 апреля 2005 г. № 239 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/188085/> (дата обращения: 06.01.2015).
- ⁵ См.: Концептуальные и методические основы аудита эффективности использования бюджетных средств и государственной собственности, одобренные Научно-методическим советом АККОР 21.10.2004 и утвержденные Коллегией Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://ksp25.ru/files/001.doc> (дата обращения: 05.01.2015).
- ⁶ См.: Бюджетное послание Федеральному Собранию «О бюджетной политике в 2007 году» // Президент России : [сайт]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/106175.shtml> (дата обращения: 06.01.2015).
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: О мерах по повышению эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/6292/> (дата обращения: 07.01.2015).
- ⁹ См.: Вилков А. А., Дацков С. А. Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 58–63.
- ¹⁰ См.: Карасева Е. В. Информационная политика органов исполнительной власти современного мегаполиса : особенности ее формирования и реализации (на примере деятельности Правительства Москвы) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 219.
- ¹¹ См.: Дзялошинский И. М. СМИ и органы местного самоуправления : взаимодействие во имя информационной открытости власти. М., 2007. С. 16–19 ; Он же. Информационная открытость власти : обучающий контроль прессы и гражданского общества. URL: [http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_39\(3\)/dzyaloshinski_39.html](http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_39(3)/dzyaloshinski_39.html) (дата обращения: 06.01.2014).
- ¹² См.: Каменская Е. А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России // Общество : политика, экономика, право. 2011. № 2. С. 22.
- ¹³ См.: Туровский Р. Ф. Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России : Противоречия теории // Politbook. № 1. 2003. С. 9.

УДК 930.85

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА КАК АНТИТЕЗА ХРИСТИАНСТВУ

А. Г. Шестакова

Саратовский государственный университет
E-mail: ashestakova@mail.ru

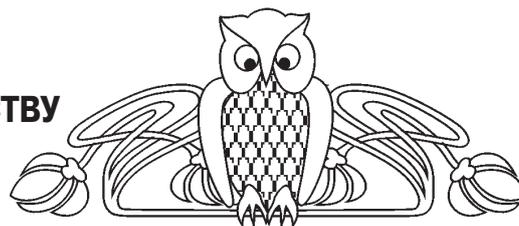
Видимая победа капиталистического способа производства над социалистическим породила стойкое убеждение, что нет лучшего варианта пути развития общества, нежели основывающегося на либеральной демократии. Поскольку либерализм как идеология является порождением западной ментальности, то именно она, стяжав венок триумфатора, претендует на господство в планетарном масштабе, что на практике означает диктат ценностей, присущих именно западному мировоззрению. Соответственно, с новой силой возобновились дискуссии о правомерности универсализма, существующего в системе координат исключительно западной идеологии, так как этот процесс потянул за собой нарастающий кризис идентичности национальных сообществ, нередко выливающийся в кровавые столкновения. В статье проводится анализ генезиса основополагающих принципов либерализма в сравнении с христианской идейной базой.

Ключевые слова: либерализм, демократия, христианская догматика, рационализм, идея прогресса.

Politico-philosophical Concept of Liberalism as the Antithesis of Christianity

A. G. Shestakova

The seeable victory of the capitalist mode of production over the socialist spawned a strong belief that there is no better way for the

development of society, rather than based on the liberal democracy. Because liberalism as an ideology is a product of Western mentality, it is she courted wreath victor, claims to supremacy on a global scale, which in practice means the dictates of values inherent in the Western world. Accordingly, with renewed vigor renewed debate about the legality of universalism, existing only in the coordinate system of Western ideology, as this process pulled a growing crisis of identity of ethnic communities, often poured into bloody clashes. The article analyzes the genesis of the fundamental principles of liberalism in comparison with the Christian ideological base.

Key words: liberalism, democracy, Christian doctrine, rationalism, idea of progress.

«Мы уже победили, и христианство не вписывается в нашу картину мира»¹, – по словам Ю. Симонова, такое мнение преобладает сейчас в среде европейских либералов. Причем это мнение высказал человек, занимающийся научной деятельностью, а интеллигенция, как известно, является частью элиты, ее нередко называют «нервом общества» и отдают ей место своего рода пророка. Эпоха «восстания масс» закончилась временем «одномерного человека», и если

это «конец истории» – то сложно однозначно квалифицировать его как счастливый.

На наш взгляд, однако, борьба либерализма и христианства еще далека от своего завершения. Логика развития современной цивилизации создает идеологические феномены. Развитие процесса универсализации предполагает, что человек будущего станет существовать в некоем планетарном социуме, и мировоззрение жителя, например, Латинской Америки, будет идентично мировоззрению жителей Африканского континента. Одновременно ценности будущего будут эквивалентны или почти эквивалентны ценностям современной западной цивилизации². Насколько это правомерно и оправданно – самый актуальный, на наш взгляд, вопрос современности.

Одновременно длительная секуляризация общественной жизни привела к тому, что такие основополагающие для современного социума понятия, как равенство и свобода, стали считаться «изобретением» Ренессанса, либо Просвещения, либо новейшей политики. На самом деле, и это давно не открытие, авторские права на них принадлежат христианству. Превращение либерализма в «светскую религию» произошло не сразу и не вдруг, это процесс, который длился несколько веков. Поэтому генетический анализ взаимодействия либерализма и христианства представляет несомненную ценность, так как он помогает избежать некорректных толкований.

Либерализм, как и абсолютное большинство других политико-философских течений, как бы странно это ни звучало, «плоть от плоти» христианства. Бесспорным является тот факт, что базисом любой культуры являются ценности. В современной науке наиболее разработанная теория ценностей принадлежит Т. Парсонсу. Он трактовал ценности, наряду с нормами, как основу существования любого социума, подразумевая под ними «строительный материал» для построения личностной и социальной систем интеракций. Эти две системы, в свою очередь, являются компонентами культурной квази-системы: «...на социальном уровне институционализированные ценностные образцы выступают в виде “коллективных представлений”, которые определяют желаемый тип социальной системы»³.

С точки зрения этой концепции, ценности способствуют производству и воспроизведению в каждом поколении легитимированных в общественном сознании кодов-паттернов, благодаря которым формируются стереотипы поведения и мышления⁴. Во взрослом состоянии стереотипы играют для человека столь важную роль, по наблюдениям У. Липпмана, без них люди неспособны ни принимать решения, ни верить, ни строить отношения. Теологи П. Бергер и Т. Лукман, более известные своими социологическими трудами, назвали это явление термином «хабитуализация», или «опривычивание»⁵. Позднее П. Бурдье разработал теорию «габитуса», под которым

подразумевал «систему прочно приобретенных предрасположенностей»⁶, обусловленную личным и коллективным опытом, который индивид воспринимает с рождения и затем воспроизводит его в своей жизни, одновременно приспосабливая к изменяющимся внешним обстоятельствам. Исключительное значение «социальной памяти» подчеркивал и Э. Тоффлер⁷.

Итак, если основой существования любого социума выступает стереотипизированная ментальность, то что же, в свою очередь, является базой этой ментальности? Ответ на этот вопрос дал тот же Т. Парсонс: «В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах»⁸. Задолго до Т. Парсонса основополагающую роль религии в формировании ценностной «наднациональной» квази-системы подчеркивал и Э. Дюркгейм. Причем ученый называл составными частями «каркаса миропонимания» такие категории, как понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д., которые «родились в религии и из религий, они – продукт религиозного мышления»⁹.

Философские и социологические концепции нашли свою доказательную базу в работах Ж. ле Гоффа и А. И. Гуревича. Религия и, в частности, католицизм создали «модель мира», в рамках которой западная цивилизация воспроизводила саму себя и благодаря которой она до сих пор существует. Католицизм – это подтекст Западной Европы, в нем заключены одновременно иды и сверх-Я европейца. Категории католичества запечатлены во всех знаковых системах Западной Европы, и «мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка»¹⁰. Переломным моментом в истории развития западноевропейской цивилизации, с которого, собственно, и можно начинать отсчет существования современной идеологии либерализма, ле Гофф считает XII столетие¹¹, когда наступило «время купцов», что на уровне социально-политическом и бытовом отразилось в череде крестовых походов, подъеме городов, трансформации крестьянства, изобретении часов и т. д. Маркеры времени, пространства и событий поменялись настолько, что прежняя символика переродилась до неузнаваемости. Некоторые знаки исчезли вовсе, некоторые поменяли свое значение, некоторые его расширили. Однако, и в этом состоит основной парадокс, поскольку мыслить вне категорий стереотипов невозможно, либерализм впитал в себя идеологический контекст христианства, перетолковав его по-своему.

Прежде чем обратиться к сравнению, определим, что является базисом либерализма. Ю. Симонов справедливо, на наш взгляд, называет идею прогресса, рационализм и демократию «тремя китами» либеральной идеологии¹². Начнем с самого основания, «святая святых»

идеологии общества постмодерна и главной ее движущей силой – идеи прогресса. Ее истоки зачастую ищут в мировоззренческом взрыве эпохи Возрождения или в идеях просветителей. Однако Р. Нисбет относит ее возникновение на несколько сот лет раньше и утверждает, что прогресс как таковой обрел современное идеологическое наполнение в трудах отцов Церкви: «...христианские философы, начиная с Евсевия и Тертуллиана и заканчивая Св. Августином <...> привнесли в идею прогресса новые элементы, наделившие ее такой духовной силой, которая была неизвестна их языческим предшественникам. Я имею в виду такие понятия и концепции, как всечеловеческое единство, историческая необходимость, идея прогресса как развертывания в веках некоего замысла, существующего от начала времен, и, не в последнюю очередь, доверия к будущему, доверия, которое со временем будет увеличиваться и все больше относиться к постороннему, а не к потустороннему миру»¹³. Это чрезвычайно важное обстоятельство, масштаб которого может быть осознан только в сравнении с восточной идеологией и обзором расстановки сил на планете в контексте геополитики.

На данный момент в мире противоположно направленными и соперничающими друг с другом центрами притяжения, по определению С. Хантингтона, являются западная и восточная идеологические системы. На стороне Запада, казалось бы, неоспоримое преимущество – технологии. Однако исламские страны, Китай, Индия и Африка, т. е. та социально-культурная общность, которую традиционно именуют «Восток», составляют большинство населения земного шара. По праву простого большинства и вследствие идеологической цельности своих религий именно эти регионы, на первый взгляд, и должны задавать систему координат. Но этого не происходит: «...реальными господами современного глобального мира выступают... политические образования, опирающиеся на основы западно-христианского ментально-догматического мышления...»¹⁴, главная из которых – устремленность в будущее. В этом отношении сравнительной «слабостью» восточных обществ является обращенность в прошлое. Например, культурной традиции Китая свойственна идеализация «золотого века», который уже был в прошлом¹⁵. Для Запада, наоборот, «золотой век» еще не наступил. Эта ментальная установка берет свое начало именно в христианской эсхатологии и выступает в различных формах в социально-философских системах Канта, Гегеля и даже Маркса. Христианские ценности придали развитию западноевропейской цивилизации осмысленный характер с ярко выраженным «хэппи эндом» в виде идеи второго пришествия Христа и наступлением вслед за этим светлой эпохи счастья, на пути к которой, и это чрезвычайно важно, человек должен духовно совершенство-

ваться. Само линейное развитие истории мыслится в рамках западного мировоззрения как непрерывное совершенствование, улучшение индивидуальное и социальное, закончиться которое должно грандиозным апофеозом правды, добра и справедливости, т. е., перефразируя графа Александра Бенкендорфа, «наше прошлое – прекрасно, настоящее – великолепно, а будущее лучше, чем может себе представить самое пылкое воображение». С точки зрения ментальности, современный журналист, с восторгом пишущий о наступлении эры торжества демократии, мало чем отличается от средневекового летописца, заканчивающего рукопись описанием эпохи второго пришествия Христа.

Ориентация на будущее неизбежно смещает акцент в сторону посюсторонности, позволяет заранее оправдать существующие недостатки в социально-политических формациях и в конечном счете способствует позитивной идентичности, осознанию своей правоты в масштабе истории, что, в свою очередь, дает возможность западной цивилизации называть свои базовые ценности единственно верными и требовать их соблюдения от других. Таким образом, единственный стратегический козырь в руках западной ментальной системы – это идея прогресса, которая выступает в роли *perpetuum mobile*, снова и снова толкающего западную цивилизацию вперед. И, ирония судьбы, этим единственным козырем секуляризованный Запад обязан христианству.

Однако либерализм, приняв эту христианскую идею за основу, существенно ее преобразил. Как отмечалось выше, христианство постулировало постоянное духовное совершенствование на пути к «светлому будущему». Либерализм сократил слово «духовное» за ненадобностью. Тем самым была изменена суть первоначальной идеи на противоположную: прогресс стал мыслиться не как средство, а как самоцель. В XIX столетии идея прогресса начала превращаться в «священную корову», окончательно приобретая этот статус в наше время. Сегодня западное общество вполне оправдывает глумление над священничеством и даже Христом, называя это «свободой слова и совести». В то же время за несогласие с либеральными принципами или просто за их конструктивную критику можно пожертвовать карьерой, а иногда и свободой.

Вторая основа либерализма – рационализм. «Вся философия и мораль, а также все гражданские законы могут и должны освободиться от учения божественного откровения и авторитета Церкви, власть представляет собой ничего более, как результат действия материальных сил, право заключается в свершившемся факте, а все иные обязательства людей являются ничем иным, как пустым словом, и все, что делают люди, имеет только юридическую силу»¹⁶, – таким образом обозначил суть рационалистической философии

папа Пий IX (1846–1878). Но и это – вовсе не «ноу-хау» либерализма. Античная идея познания мира разумным путем была переработана христианским теологом Фомой Аквинским в XIII в. Он не только допускал, но считал необходимым развитие науки, причем призывал к многообразию научных дисциплин. Кроме того, Аквинат не отвергал естественного права и светских законов, а даже обосновывал их закономерность и необходимость. Стоит отметить, что Фома Аквинский не только не подвергся инквизиционному расследованию (как можно было бы ожидать, с точки зрения либералов), но был причислен к лику католических святых, а в XIX столетии томизм был объявлен официальной идеологией Ватикана. Казалось бы, чем философия Аквината принципиально отличалась от либеральной философии? Все дело, как часто бывает, заключалось в том, где поставить запятую, тем самым расставив акценты.

Фома Аквинский считал, что разум – это средство познания Бога, которое необходимо постольку, поскольку «человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью»¹⁷. Разумное познание действительности обоснованно, но конечной точкой и мерил мерил выступает откровение. В теологии Аквината разум и вера – практически равновелики при условии особого почтения к вере. Разум, по Аквинату, воплощается в материи, форму которой придает Бог, тем самым позволяя человеку открыть частицы своего существа. Форма – это суть предмета, поэтому материя не может существовать без формы, иначе она потеряет резон существования и в буквальном смысле растворится в небытие. В то же время и форме необходима материя, так как форма форм – Бог – стремится к тому, чтобы человек познал его, а без конкретного воплощения это становится невозможным.

В отличие от «равновеликости» этих понятий в философии Аквината, в либеральной «теологии» разуму было придано приоритетное значение. С течением веков вера все больше отеснялась на задний план. «Расколдовывание мира» происходило чаще всего незаметно для современников. Ярким примером смены системы координат является Гуго Гроций (1583–1645). Он широко известен своими политическими трудами, однако историкам Церкви Гроций знаком прежде всего как автор первого собственно исторического исследования Священного Писания. Считая себя искренно верующим человеком, Гроций, тем не менее, в своих «Примечаниях к Ветхому и Новому заветам» далеко ушел от традиционной экзегезы. Таким образом, к периоду новейшего времени вера превратилась в общественном сознании в суеверие, как писал Вольтер, «священных вымыслов опасное виденье»¹⁸. Сейчас она и вовсе исчезла в тени разума.

Наконец, третья основа либерализма – демократия. Сходство христианской и светской

концепции «свободы, равенства, братства» отмечалось многими учеными. Нельзя забывать, что главенство нынешней западной цивилизации возможно потому, что христианство в свое время провозгласило человека личностью, уподобив его Богу. Отсюда ментально проистекают главные демократические ценности – права человека, равенство всех перед законом, которых в современном понимании Древний мир не знал. Христианство проповедует духовное равенство, которое предполагает развитие в себе «облика Бога» и тем самым обретение прежде всего духовной свободы. Наполнение этих категорий в либеральной философии совершенно иное, т. е. прямо противоположное. Если христианство во главу угла ставило совесть человека как «глас Бога», то либерализм поставил соблюдение равенства в зависимость не от внутренних качеств человека, а от гражданских законов.

В Средневековье и даже еще во времена гуманистов Возрождения миры материальный и духовный в общественном сознании были слитны, они перетекали друг в друга, и это взаимодействие воспринималось как основа гармоничного существования общества, более того – как залог его существования. Уже упоминавшийся Гуго Гроций разделил эти миры в 1613 г., постулируя, что идентификация себя христианином подразумевает признание только Провидения Бога, в то время как узко-религиозные вопросы (и, следовательно, вытекающие из них политико-философские размышления) – есть личное дело каждого христианина. Позже он оговаривал, что такое перенесение точки опоры на светскую политическую власть «накладывает новое обязательство к истине более низкой степени по отношению к первой»¹⁹, однако его слова о приоритете мира в мирских делах уже были произнесены и, главное, услышаны. И если Гроций в каждом своем произведении еще подчеркивал необходимость опоры на Бога, то его младший современник Ш. Монтескье уже открыто писал: «...добродетелью в республике я называю любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская и не нравственная, а политическая добродетель»²⁰, выводя дискуссию о правомочности применения христианских догматов в мирских делах вообще за границы рассмотрения как не относящуюся к сути дела, а следовательно, не заслуживающую внимания.

Концептуальная разница этих подходов заключается в идентификации человека как активного социального актора. Христианство признавало в человеке «образ и подобие Божье», тем самым ориентируя его на высокий идеал и определяя его как создание высшего порядка, коренным образом отличающееся от животного мира. Либерализм исходил из противоположных посылок, декларируя человека как существо, охваченное животными страстями и неспособное справиться с ними самостоятельно. В основе

политической доктрины либерализма, в сущности, лежит макиавеллизм, ведь идея низведения статуса человека до положения разумного животного принадлежит именно Макиавелли: «... основателю республики, сочиняющему для нее законы, необходимо исходить из присущих людям дурных наклонностей, которые проявятся при любых благоприятных обстоятельствах; если такие преступные склонности долго ничем себя не выказывают, это говорит лишь об отсутствии видимых причин для их проявления; но время, прозванное отцом истины, все равно удостоверит обратное»²¹.

Заключая рассуждение, следует отметить, что, несмотря на века секуляризации, либерализм, являясь антитезой христианства, обречен на вечное сосуществование со своим идейным противником. Современные «гражданские религии», выступающие питательной средой для появления разного рода символов и стереотипов, строятся по образцу традиционных конфессий. В роли священных текстов выступают «декларации» и другие документы, в роли проповедников и учителей – политологи и управленцы. Известно также влияние «индустрии развлечений» на формирование «светских религий». Язык масс-культуры постиндустриального общества наполнен аллюзиями и иногда прямыми реминисценциями из христианской мифологии. Одним из ярких примеров являются «героические саги» о супергероях, например, показательно название четвертого фильма о Терминаторе – «Да придет спаситель». Происходит это, прежде всего, потому, что, хотя система координат «коллективного бессознательного» и сменила название осей, но отменить само их наличие не под силу ни одной идеологии.

Примечание

- ¹ Симонов Ю. Либерализм и христианство // Новый Мир. 1999. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/2/simon.html (дата обращения: 15.12.2014).
- ² Здесь и далее под определением «западный» имеется в виду условное определение, характеризующее особый социокультурный тип, главной характеристикой которого является ориентация на рационализм. Важно отметить, что этот термин не является географическим, однако в соответствии с его содержанием к нему можно отнести страны, в основе культуры и общественной жизни которых лежит рационалистическая философия с ее основными отличительными свойствами: индивидуализмом в сфере духовно-личностной, либеральной демократией в политической сфере.

- ³ Парсонс Т. Система современных обществ : пер. с англ. / под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 21.
- ⁴ См.: Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 109.
- ⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум, 1995. С. 89.
- ⁶ Бурдьё П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. С. 43.
- ⁷ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 441.
- ⁸ Парсонс Т. Указ. соч. С. 21.
- ⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология : пер. с англ., нем., фр. / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 185.
- ¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 31.
- ¹¹ См.: Гофф Ж. ле. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / пер. с фр. С. Н. Голубева // Одиссей. Человек в истории : науч. альманах. М. : Наука, 1991. С. 28.
- ¹² См.: Симонов Ю. Указ. соч.
- ¹³ Нисбет Р. Прогресс : история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 97.
- ¹⁴ Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб. : ОВИЗО, 2002. С. 165.
- ¹⁵ См.: Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 31.
- ¹⁶ Allocution Pius IX, gehalten im geheimen Consistorium am 9. Juni 1862 // Der Papst und die Modernen Ideen. Wien : Verlag von Carl Sartori, 1864. P. 44–45.
- ¹⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии (отрывки) / пер. с лат. С. С. Аверинцева // Боргаш Ю. Фома Аквинский. М. : Мысль, 1966. С. 143.
- ¹⁸ Вольтер. За и против (Послание к Урании) / пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн // Вольтер. Философские сочинения. М. : Наука, 1988. С. 717.
- ¹⁹ Grotius H. De Imperio Summarum Potestatum circa Sacra. Paris, 1648. P. 46.
- ²⁰ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М. : Мысль, 1999. С. 9.
- ²¹ Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Сочинения и письма. М. : АСТ, 2004. С. 148.